

КУПАВА ОГИНСКАЯ

ВАСИЛИСА ПРЕМУДРАЯ

Нежная жуть
в Кощеевом царстве

Москва
T8 RUGRAM
2021

УДК 82-31
ББК 84(2Рос-Рус)
О-36

Огинская, К.

О-36 Василиса Премудрая. Нежная жуть в Кощеевом царстве / К. Огинская. — М. : Т8 Издательские технологии / RUGRAM, 2021. — 226 с.

ISBN 978-5-517-04443-3

В тридевятом царстве, в тридесятом государстве... а быть может чуточку дальше, жил Кощей Бессмертный.

И не было у него проблем, кроме проклятого бессмертия, пока кривая тропка не вывела в его владения одну сумасбродную беглую княжну...

УДК 82-31
ББК 84 (2Рос=Рус)
ВІС FC
BISAC FIC000000

© Огинская К., 2021
© Метлинова Е, оформление, 2021
ISBN 978-5-517-04443-3 © Т8 Издательские технологии, 2021

ГЛАВА I

О сбежавших невестах и опасных встречах

За стеной азартно шуршали мыши... а быть может, то домовые готовились провожать дорогих гостей. В тереме было тихо и пахло скорым праздником.

Свадьбой моей пахло.

Поутру батюшка собирался отдавать меня за младшего сына царя, за горе и позор всего нашего государства, за Ивана-царевича.

Царевичем он был лишь по титулу, по жизни Иван слыл лютым дураком и бездельником. Слухам я, разумеется, никогда не верила, дожидаясь встречи и возможности самостоятельно составить представление о своем суженом.

Дождалась.

Составила.

Теперь сидела перед зеркалом с ножом в дрожащих руках и пыталась собраться с духом, чтобы одним махом отхватить свою косу. Собственными руками разрушить тихую и спокойную жизнь любимой дочки местного князя.

Иван, три дня назад приехавший на смотрины к молодой княжне (ко мне то бишь), вроде бы остался доволен увиденным, а завтра планировал забрать меня из отчего дома и везти в царские хоромы, чтобы там уже гулять свадьбу. Проводы готовились пышные, громкие и веселые... вот только я не планировала на них присутствовать.

Жизнь с нелюбимым мужем я еще могла бы вынести, жизнь с дураком — нет.

Из зеркала на меня смотрело напуганное отражение до сих пор не верящей в свое решение девицы.

Было страшно.

Но, перехватив нож крепче, я с силой рубанула по волосам. Потом еще раз. И еще. Отхватив неровно и неудачно свою гордость и отраду — толстую длинную косу, которую растила с детства. Она тяжело упала к моим ногам тугой русой змеей, поверх с глухим стуком рухнул нож, выпавший из ослабевших пальцев. Первый шаг был сделан, и пути назад не осталось. Неровно остриженные по плечи волосы щекотали шею, непривычно легкая голова кружилась от безумного поступка, а мне... мне хотелось плакать и смеяться.

Вот вам и Василиса, вот вам и Премудрая... куда ум свой запрятала?

Видели бы люди, мудрой меня кликавшие, что я творю...

После этого самого страшного шага дело пошло лихо. Мужские штаны и рубаху, выменянные у одного из дворовых мальчишек на серебрушку, я надела вместо ночной сорочки.

А дальше — сапожки из мягкой кожи на ноги да сложенную с вечера дорожную сумку на плечо, и вот она я, полностью готова к побегу. Собралась быстро, да из покоев выходила долго, не решаясь отворить дверь.

Но стоило только вспомнить кривую ухмылку Ивана, едва видную в косматой, неухоженной бороде, и глуповатый взгляд водянисто-голубых глаз, как страх отступил.

Таясь и замирая от каждого звука, я спустилась вниз, проскользнула на кухню, старательно избегая участков, освещенных полнобокой луной.

Слышно никого не было, в столь поздний час я единственная в тереме не спала.

И Марька, немолодая, достаточно смирная лошадка, дремала в своем стойле, пока в конюшню не прокралась я. Явлению моему кобыла не обрадовалась, но большое яблоко из батюшкиного сада быстро примирило ее с необходимостью посреди темной ночи покинуть уютное стойло.

Седлать и верхом ездить я умела прилично, спасибо за то дядьке Еремею — отцовскому сотнику, что не побоялся супротив князя пойти да дочку его совсем не женским делам обучить.

Ведунья пророчила на моё рождение мальчика, вот дядя и решил толк в меня вбивать, а не бабские глупости. Ибо не могла ведунья оплошать, а раз так, то и учиться мне не только прясть надобно, но и верхом ездить, и из лука стрелять, раз уж для меча я больно хилая.

Марька лениво хрустела яблоком, покорно снося спешные сборы, только ткнулась пару раз в плечо тёплым носом, будто спрашивая, что это я задумала.

— После объясню, — шикнула на неё и потянула прочь с конюшни, не опасаясь нарваться на конюха. Ему после бражки, выпитой за счастье молодых, не было никакого дела ни до конюшни, ни до уведенной мною кобылы.

Легко миновав ворота, я уж было решила, что удача нынче на моей стороне, расслабилась по глупости своей и пустила покорную лошадку по наезженному тракту на север, в земли Марьи Моревны.

Отгоняя от себя дурные мысли, я уверенно спешила вперёд, робко мечтая о том, как возьмет меня она в ученицы да откроет все колдовские тайны. А за Ивана пускай Настасья идёт. Уж она царевичу спуску не даст, авось даже человека из него сделает.

Младшая моя сестренка девка была бойкая и дерзкая, особенно батюшкой залюбленная, оттого и смелая сверх всякой меры. Ей мужа перевоспитать труда не составит, мне же проще было бы его прибить, чем уму-разуму научить. И тут уж не имело значения, что сызмальства меня Премудрой кликали да в разумность мою верили. Не пространялась моя премудрость на чужую глупость.

Марька брела лениво, почти бесшумно, очень мягко ступая по наезженной дороге, только это меня и спасло — топот копыт внушительного по численности отряда я

расслышала издалека и успела с дороги съехать да за деревьями схорониться.

Пожалуй, это и было моей самой страшной ошибкой. При полной луне да в Тающем лесу даже самый смелый воин не рискнул бы с дороги съехать да в тени деревьев от лунного света укрыться.

А я свернула, на удачу понадеявшись.

Надеялась напрасно. Чудеса твориться начали сразу же, стоило только отряду проехать, спеша в сторону нашего города, ворота которого по случаю спокойного лета, скорого праздника и недавно обновленных обережных рун были радушно открыты.

Судя по богатой одежке, то были припозднившиеся люди царевича, должны сопровождать нас в поездке. А значило это лишь одно: сейчас в тереме поднимется шум, гостей будут устраивать на ночлег, а значит, могут и обо мне вспомнить. Отыскать мою косу, организовать поиски, да и найти. У батюшки такие охотники есть, что и лисицу в ночном лесу легко найдут, что уж говорить о княжне, которая никогда раньше по лесам от преследователей не спасавшейся...

Я и на охоте была лишь раз, в сопливом детстве, когда дядька с трудом отвоевал меня у няnek, заявив, что десять лет — самый возраст, чтобы приучаться к охотничьему делу.

Ошибся он, конечно, страшно. Я не то что охотой не прониклась, но и другим ее испортила, когда после нескольких часов упорного выслеживания добычи смешала охотникам все планы и спугнула дичь.

В заботливые руки няnek тогда вернулась замерзшая, зареванная, с мокрой от набившегося за ворот снега рубашкой, но довольная собой. Потому что огромный дикий кабан сбежал, а боярин Савелий, всегда раздражавший меня подлым взглядом и хитрыми улыбками, получил в дар стрелу чуть ниже поясицы.

Собственно, потому я зареванной и была — пришлось достоверно изображать страх, растерянность и раскаяние,

когда дядька Емельян на меня орал из-за стрелы, пущенной не в срок и не в ту сторону.

Но это было тогда, а сейчас что-то зашуршало в кустах, предостерегающе ухнула сова. Совсем рядом в темноте кто-то засмеялся. И Марька понесла, словно под хвост кнутом ужаленная.

Сначала я еще пыталась ее остановить, кричала, тянула поводья, надеялась взять ситуацию под контроль, но обезумевшее от страха животное ничего не чувствовало и на знакомые еще с жеребьих времен команды не реагировало. Потому пришлось мне смириться, прижаться к лошадиной шее, пряча лицо, а главное — глаза от хлестких веток, дожидаясь, пока безумие схлынет и Марька успокоится.

Невнятный смех, едва слышный из-за свиста ветра в ушах, и бросающие в дрожь шепотки, преследовавшие нашу сумасшедшую скачку, заставляли меня малодушно надеяться, что остановимся мы нескоро. Желательно в каком-нибудь тихом и спокойном месте, куда нечистой силе путь закрыт.

А остановились у реки.

Бурный поток пенился и шипел. Это-то шипение чем-то особенно сильно напугало Марьку... да и меня, если уж быть честной. Пусть в походы с дядькой я не ходила, да и охоту не сильно жаловала, но карту наших земель знала хорошо. И точно могла сказать, что таких беспокойных и широких рек у нас не было.

Как и мрачных еловых лесов, что возвышались на том берегу угрюмой тревожной стеной.

Наши леса славились мощными дубами да хрупкими березками, но никак не таящими угрозу елями. Их у нас и не было почти. Лишь в глуши, близ Рудных болот, разросся небольшой еловый лес, в самом сыром да топком месте, словно предупреждая всех случайно забредших путешественников об опасности.

Здесь же опасность была везде.

И чувствовала это не я одна. Кобыла резко встала, чуть не выкинув меня из седла, трусливо попятилась от реки, трясая головой и прядя ушами, сопровождая свое отступление жалобным ржанием и пофыркиванием.

— Нельзя, Марь, нельзя обратно, — с трудом справившись с пятившейся лошадью, я спустилась на землю и обняла ее за шею, — там опаснее, чем здесь.

Может быть, лишив себя косы, совершив такую вопиющую глупость, я утратила право зваться Премудрой, но не растеряла знаний. И была уверена: дорога, что вывела меня из Тающего леса в это опасное место, обычной не была.

Ночь — время нечистой силы, об этом даже дети знали. Нельзя ночью в одиночку бродить, а если уж понесло лихо в путь после заката, то ни в коем случае с дороги людской не сходить, на голос не идти и на вопросы повстречавшихся на пути незнакомцев не отвечать. Иначе заманит нечистая сила на свою тропу да загубит.

Неосторожным в наших землях быть опасно...

А я сглупила, не заметила недоброго умысла и угодила в чью-то чужую злую игру. Сначала заманили на тропу, закружили, запугали да выплюнули в незнакомом, но страшном месте, не иначе ожидая, что я обратно брошусь.

Знакомы мне были такие игры, не раз я их видела в исполнении домашних котов. Развлекаясь с пойманной мышкой, они дарили ей призрачную надежду, ждали, пока жертва поверит в спасение, а потом ловили.

Сейчас я была той самой мышью.

— Тише, девочка, — срывающимся голосом пыталась успокоить я лошадь и саму себя, — все хорошо будет. Мы выберемся отсюда.

Марька мне не верила. Я себе тоже особо не верила, но упрямо обнимала кобылу за шею, гладила по щекам и шептала, шептала в подрагивающее пушистое ухо:

— Главное — солнца дожждаться, а там уж нам никто страшен не будет. Вот увидишь.

— Люблю наивных дурочек, — признались насмешливо из темноты, — они самые вкусные.

Сердце пропустило удар, скованное ледяной корочкой животного ужаса, а я лишь крепче прижала к себе Марьку. И зажмурилась.

Главное — не разговаривать с ним, а лучше даже не смотреть. Оберегов у меня много, и все они исправные, специально для княжеской дочки сделанные. Вреда мне причинить незнакомец не может... если я сама ему этого не позволю.

Недолгая выжидающая тишина была оборвана недовольным:

— Некрасиво игнорировать того, кто хочет тебе помочь, — с осуждением сказали мне. Звук шагов я не слышала, но голос раздался совсем рядом. — Ну же, посмотри на меня.

Уткнувшись носом в лошадиную гриву, я упрямо продолжала молчать. Помочь он мне желает, как же. То-то первым делом мои вкусовые качества оценил...

— Чего молчишь? Родители запрещали с незнакомыми нелюдьями разговаривать? — насмешливо вопрошал он, не желая отставать. — А если мы познакомимся? Меня Тугарин зовут. Тугарин Змей.

Я молчала. Дядька бы мною гордился. Панике не поддавалась, не разревелась, встречу с опасной нечистью переношу стойко. Не вздрогнула даже, когда он назвался.

Хотя про семейку Змеев во всех государствах только плохое рассказывали... но самым страшным было даже не это — жили Змеи в Тринадцатом государстве. В Кощеевом царстве. В самом мрачном и опасном месте, от которого земли нашего царя отделяло целых три государства.

И меня тоже отделяло, пока я на тропинку не встала.

Теперь мне предстояло как-то выбраться из Кощеевых земель и преодолеть не менее опасное царство Несмеяны... Дальше-то все было уже не так страшно. Триодиннадцатое государство еще при правлении дедушки

нашего царя заключило с нами мировую, так что встретят меня там радостно и отправят куда попрошу.

Главное — отделаться от Змея и выбраться из этих гиблых мест.

— Глухая, что ли? — Тугарин между тем отставать не спешил.

Я стояла как каменная, утверждая его подозрения. Пусть лучше считает меня глухой, авось в покое оставит.

— Ну ладно, глухая, — решил он после нескольких мгновений тяжелых дум. — Тропинка кого попало к Гиблой реке не выводит, значит, придется тебя в замок вести.

И вот тут я чуть было не совершила ошибку, так велико было желание воскликнуть «Нет!». Сдержалась, лишь вскинулась да глаза открыла, чтобы совершенно невоспитанно вытаращиться на стоящего передо мной мужчину... несколько чешуйчатой наружности.

— Слышишь! — хохотнул он. — Точно слышишь!

Тугарин был высок, богатыри наши, конечно, в росте ему не уступали, а шириной плеч и превосходили, но не было в них этой подавляющей звериной мощи, что сейчас пригибала меня к земле. Он был нечистью, очень сильной и очень опасной.

Непривычно гладкое, безбородое лицо поражало резкостью, неправильной прямоотой линий и нездоровой бледностью кожи, выбеленной серебряным сиянием полной луны. Глаза Змея в темноте казались бездонными, лишь тонкий ободок радужки сиял тихим зеленым светом. И чешуя, едва заметно зеленевшая на висках, поднималась вверх по коже и пряталась в темных волосах. Длинных, но не перехваченных оцельем, как это у нас принято, а собранных в хвост.

По бледным его губам блуждала легкая улыбка.

И я сделала то, что на моем месте сделал бы любой нормальный человек, — медленно попятилась от него. Марька, которую я продолжала обнимать за шею, недовольно фыркнула, но послушно побрела за мной.

Тугарин сокрушенно вздохнул: